

Маковская П.Н.

Юрист

г. Ростов-на-Дону, Россия

**ОБОБЩЕННАЯ МОДЕЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СФЕРЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ. КРИТИЧНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХ
ДАННЫХ И МОРАЛЬНО – ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация: Статья посвящена вопросам использования систем искусственного интеллекта в сфере правоприменения. Для абстрагирования от несущественных реализационных аспектов систем искусственного интеллекта, вводится понятие обобщенной модели, главной характеристикой которой является ее функционал. Выполнен анализ исследований различных авторов по предпочтительным способам использования таких систем. Рассмотрены риски морально-этического плана, детерминированные использованием систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: правоприменение, принципы использования, искусственный интеллект, гражданское право, арбитражное право, приказное производство, судебный приказ, предиктивная аналитика, риск дегуманизации.

Makovskaya P.N.

Lawyer

Rostov-on-Don

**GENERALIZED MODEL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN THE FIELD OF LAW ENFORCEMENT.
CRITICALITY OF TRAINING DATA
AND MORAL AND ETHICAL ISSUES**

***Abstract:** The article is devoted to the issues of using artificial intelligence systems in the field of law enforcement. In order to abstract from the insignificant implementation aspects of artificial intelligence systems, the concept of a generalized model is introduced, the main characteristic of which is its functionality. The article analyzes the research conducted by various authors on the preferred methods of using such systems. It also discusses the moral and ethical risks associated with the use of artificial intelligence systems.*

***Keywords:** law enforcement, principles of use, artificial intelligence, civil law, arbitration law, writ proceedings, court order, predictive analytics, risk of dehumanization.*

Введение. Необходимость использования обобщенной модели искусственного интеллекта. Нынешний период развития цивилизации наверняка войдет в историю как знаковый. По своему воздействию на общественно-экономические отношения он превосходит периоды турбулентности в истории социума, связанные с изобретением парового двигателя или электричества. Действительно, феномен, называемый искусственным интеллектом (ИИ), оказывает кардинальное влияние не только на эффективность процессов, имеющих выраженное внешнее проявление (например, промышленное производство, связь, транспорт и т.д.), но также изменяет и скрытые, когнитивные процессы (в том числе, правовое мышление и правовое познание).

Как научная дисциплина, область исследований в области ИИ сложилась в 1950-х годах прошлого века. Несмотря на значительное время, прошедшее с момента зарождения первых экспериментов с моделями ИИ, терминология в этой области знаний, не является устоявшейся до сих пор. Так, в некоторых источниках разделяют искусственный интеллект на сильный и слабый, в других применяют иные противопоставляемые друг другу категории – узконаправленный искусственный интеллект и универсальный искусственный интеллект. В частности, последнее деление предусматривает ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» [1].

Отметим, что в соответствии с ГОСТ Р 71476 – 2024 [1], универсальный искусственный интеллект является гипотетическим концептом с неясной перспективой практической реализации. Для целей настоящей статьи будет использоваться введенная автором обобщенная модель ИИ, описываемая термином **FLAI (future law artificial intelligence)** для подчеркивания того, что речь идет об описании как ныне существующих систем, так и тех, которые будут доработаны с улучшением их функциональности в кратко- или среднесрочной перспективе. Этим мы уходим от необходимости уточнения дихотомий «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» искусственный интеллект, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (нейросеть или иное), сосредоточившись на ключевом аспекте: обсуждению подлежат «компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта» [1, п. 5.1]. В тех случаях, когда соответствующая аббревиатура ИИ используется в прямой цитате, в этой статье, как и в первоисточнике, будет применяться термин ИИ.

Особый интерес представляет использование FLAI-систем в правоприменении, в том числе и потому, что несомненно сверхвысокие вычислительные характеристики таких систем, при поверхностном рассмотрении у многих исследователей порождают ложное понимание универсальности FLAI-систем, их всеохватности и всемогущества. Рационально-диалектический же взгляд на фактические возможности FLAI-систем требует философского подхода.

Можно сказать, что правоприменение является наиболее удобным «микроскопом и томографом» для анализа сильных и слабых сторон FLAI-систем, поскольку именно в правоприменении эти стороны проявляются в наиболее полной мере.

Под правоприменением мы понимаем особую, носящую государственно-властный характер, форму практической реализации норм права. Институт правоприменения подробно рассмотрен в работе [2]. Естественно, что в условиях проникновения FLAI во все сферы общественной жизни, изменения происходят и в институте правоприменения.

При этом в работе [3], посвященной судебному правоприменению с учетом возможностей систем искусственного интеллекта, отмечается: «применение систем ИИ не должно умалять гуманистическую сущность правосудия, в котором находит свое отражение справедливость, не тождественная математическим алгоритмам. В противном случае гуманизм правосудия будет подменен трансгуманизмом, разрушающим саму сущность права, исходящего от людей и направленного на защиту человека» [3].

Правоприменение FLAI. Текстовые документы. Несмотря на то, что термин искусственный интеллект существует достаточно давно, с 1950-х годов прошлого века, реальное практическое использование искусственного интеллекта началось сравнительно недавно. Именно поэтому, как отмечается в работе [4], по этой причине многие существенные моменты, касающиеся данной технологии, начиная с ее теоретических возможностей и допустимых сфер использования, заканчивая возможными ограничениями и рисками ее использования, не до конца понятны. Поэтому вопрос о принципиальной возможности использования FLAI в сфере отправления правосудия, в частности, по гражданским и арбитражным делам является актуальным, с учетом того, что целый ряд авторов не без оснований выказывают на этот счет определенный скепсис [5].

Нужно отметить, что на данный момент уже известен опыт практического использования систем FLAI в судопроизводстве в Австрии, ФРГ, Франции, Аргентине, КНР, Мексике, США, Нидерландах, Канаде [5], [6].

Например, в КНР предложенное FLAI решение или рекомендация может отвергаться судьей, но в этом случае ему необходимо письменно привести доводы своего несогласия с предложенным FLAI проектом решения [3], [21], т.е. применение FLAI призвано содействовать отправлению правосудия, а не замене судьи в его основной обязанности - принятии законного и обоснованного решения [3], [21].

Отталкиваясь от идеи о принципиальной возможности использования систем FLAI в судопроизводстве, в работах [4], [7] предложены две возможные

процессуальные модели такого использования в актуальном российском гражданском процессе:

1. Модель «суррогатного» правосудия, при котором анализ обстоятельств дела и принятие процессуального решения осуществляется системами FLAI без непосредственного участия человека, но под его контролем (техническим и процессуальным).

2. Модель «дополненного» судопроизводства, при котором аналитическая деятельность суда по делу дополняется системами FLAI, анализирующими обстоятельства дела и предлагающими возможный вариант решения, но окончательное решение принимается человеком.

Автору настоящей статьи не кажутся предложенные в работах [4], [7] термины удачными, особенно термин «суррогатный», который в соответствии с дефинициями толкового словаря русского языка имеет значение продукта, отчасти заменяющего какой-либо другой продукт, а также значение подделанного, фальсифицированного продукта [8]. Но остановимся на сутевой части предложений работ [4], [7].

Как полагает автор работ [4], [7], обе модели являются возможными с технической, нормативной, и теоретической точек зрения. Во-первых, современный уровень развития искусственного интеллекта уже позволяет ему, с одной стороны, анализировать различные тексты, находить в них ключевые понятия (как правило, заранее заданные), устанавливать взаимосвязи между ними и, с другой стороны, генерировать текст с заранее заданными параметрами (структурой, содержанием, стилистикой). С этой точки зрения современные системы FLAI вполне могут быть использованы для анализа представленных сторонами состязательных бумаг, подбора соответствующих обстоятельствам дела норм права и судебной практики и подготовки на основе этого проекта судебного акта по существу дела [4].

Таки образом, по мнению автора работы [4], с нормативной и теоретической точек зрения обе модели могут быть вписаны в уже существующие процессуальные институты.

Так, «суррогатное» правосудие соответствует существующим механизмам приказного производства [4]: в нем рассматриваются только бесспорные

требования, нет как такового судебного разбирательства, а все судебное доказывание сводится, по сути, к установлению нескольких локальных предметов доказывания.

Идея «дополненного» правосудия, по мнению автора работы [4], вписывается в стадию подготовки судебного разбирательства. Так, если задачами суда при подготовке к судебному разбирательству являются среди прочего установление предмета доказывания по делу, определение нормы права, подлежащей применению в деле, предварительная квалификация отношений сторон, определение достаточности представленных доказательств, то не видится никаких серьезных препятствий к тому, чтобы эти задачи не могли решаться путем публикации предварительного судебного акта по делу, подготовленного системой FLAI на основе документов, представленных лицами, участвующими в деле, к моменту начала (или окончания) данной стадии [4].

Автор работы [4] говорит, что в качестве концептуального возражения против полномасштабного использования самообучающихся систем в судопроизводстве часто приводятся аргументы об ограниченных возможностях современного FLAI, не соответствующих задачам и специфике правосудия: якобы он не способен полноценно воспринимать окружающий мир, «понимать», в привычном нам значении этого слова, и оперировать смыслами, толковать нормы права.

Частично признавая обоснованность этих доводов, автор статьи [4] в защиту FLAI приводит следующие аргументы. Современный гражданский и, в особенности, арбитражный процесс исходят из негласного приоритета письменных доказательств над устными, письменного процесса над устным, в связи с чем подавляющее большинство информации, циркулирующей в судопроизводстве по гражданским делам, представлено именно в форме текста [4].

Далее, продолжает автор статьи [4], реалии современного гражданского оборота таковы, что абсолютное большинство фактов, происходящих в нем, в той или иной форме документируются, т.е. могут быть доказаны и чаще всего доказываются именно посредством письменных доказательств. Ключевые для доказательственной деятельности документы - исковое заявление и отзыв на него -

также представляются в письменной форме, т.е. первичное представление об обстоятельствах дела и о предмете доказывания суд получает именно из текстовых документов [4].

Фактически анализ текстовой информации является главенствующей формой судебного познания вплоть до первого судебного заседания по делу, т.е. как минимум до окончания стадии подготовки дела к судебному разбирательству. При этом значительный объем дел (дела приказного производства) вообще рассматривается без проведения судебных заседаний и без исследования каких-либо других, кроме письменных, доказательств [4].

Принципиальные алгоритмические и программные проблемы FLAI. Транспонирование речи. Наибольшую сложность в настоящее время для систем FLAI представляет задача транспонирования слов в текст (распознавание речи с переводом в текст), при которой могут возникать существенные ошибки, поскольку точность технологий неодинакова относительно разных лиц из различных регионов [9].

Тем не менее, например, в судебной системе Италии технология FLAI, а именно алгоритм преобразования устной речи в текст, используется при оценке свидетельств для получения быстрых и точных записей судебных слушаний, в основном в ходе гражданского судопроизводства и часто при составлении документов [9]. Эта технология позволяет упростить процесс записи эквивалентов между фонемными и письменными терминами, а также правил, регулирующих устные и письменные коммуникации, преобразуя аналоговый звук в цифровой поток. Затем цифровой поток фрагментируется в короткие сигналы, которые ассоциируются с фонемами и словами, при помощи ресурсоемких техник глубокого обучения [10]. Как отмечают итальянские исследователи, эта система может быть полезна не только для преобразования речи в письменный текст, но и для повышения точности стенограмм, составляемых в судах [10].

При этом автор статьи [11] подчеркивает, что когда мы допускаем в качестве судебного доказательства информацию, облеченную в электронную форму или зафиксированную при помощи электронных носителей, это требует выработки

особого механизма ее проверки, в особенности - проверки достоверности: «оценки свойств носителя информации, его способности фиксировать информацию без искажений, способности сохранять информацию в неизменном виде, способности воспроизводить информацию в неискаженном виде и пригодном для судебного исследования» [11]. Более того, стоит предположить, что применение FLAI потребует и качественно новых способов получения и проверки такой информации и ее достоверности - например, посредством моделирования, что применимо не ко всем видам доказательств [11].

Цифровизация суда по гражданским делам. Вернемся к текстовым документам. Автор работы [4], в целом соглашаясь с ограниченностью возможностей нынешних систем ИИ, полагает, что «современные системы интеллектуального анализа и генерации текстовой информации (так называемые языковые модели) вполне способны справиться с задачами *предварительного* установления фактической основы дела на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. А поскольку эта информация (обстоятельства дела, их правовая квалификация) является базисом и для установления правовой основы дела, а также его типизации, то и с задачей *предварительного* подбора применимых норм и судебной практики при подготовке дела к судебному разбирательству системы ИИ также способны справиться» [4].

Единственным существенным препятствием на пути реализации предложенных моделей использования FLAI, по мнению автора работы [4], является отсутствие внятного нормативного регулирования таких систем: как материального (устанавливающего принципы их разработки и применения), так и процессуального [4]. При этом автор статьи [4] полагает, что это препятствие не является непреодолимым. «Опыт внедрения новых технологий в сферы, регулируемые правом, показывает, что нормативное регулирование, как правило, действительно отстает от научно-технического прогресса. Но по истечении некоторого времени, по мере накопления опыта применения технических новшеств, выработки наукой и практикой консолидированных позиций по наиболее концептуальным вопросам такого применения, регулирование появляется» [4].

Как считает автор работы [4], централизованный характер разработки и внедрения цифровых технологий в гражданское судопроизводство представляется одним из важнейших принципов цифровизации гражданского процесса.

При этом, по мнению автора работы [4], полноценная система «дополненного» правосудия, должна создаваться, настраиваться и оперироваться если и не самим Верховным Судом РФ, то по его заданию и под его непосредственным контролем. В контексте рассматриваемой проблемы это означает, что задавать алгоритмы работы FLAI (выявлять и обозначать переменные, от наличия/отсутствия которых зависит существо судебного акта), подбирать и корректировать судебную практику для его обучения (дифференцировать показательную и непоказательную судебную практику, оперативно привносить новые правовые позиции и отсеивать устаревшие), оттачивать формулировки генерируемых FLAI текстов будет тот же субъект, который ответственен за поддержание единообразия судебной практики.

Таким образом, в российском гражданском процессе может появиться еще один технический способ обеспечения единообразия судебной практики, причем в сравнении с уже существующими способами (например, системой инстанционных пересмотров судебных актов) он может быть [4]:

- более оперативным (процесс внесения новых обзоров практики ВС РФ в пул судебной практики, используемой для обучения FLAI, будет происходить быстрее, чем процесс доведения их до нижестоящих судов;

- более безотказным (существующие и релевантные делу правовые позиции будут обозначены FLAI вне зависимости от знания их судом, рассматривающим дело);

- менее субъективным (снижается риск игнорирования судом, рассматривающим дело, существующих правовых позиций в угоду уже сформировавшемуся у него убеждению по делу, риск закрепления вышестоящими судами судебных актов по причинам, не связанным с их законностью и обоснованностью).

Проблемы использования FLAI в правоприменении. Риск утраты творческого начала в судебной деятельности. Некоторые исследователи,

например [12], отмечают риск утраты творческого начала в судебной деятельности. Суть этой проблемы можно описать следующим образом.

Система FLAI, опираясь на предыдущую судебную практику, предлагает суду возможный вариант решения по делу. Далее автор работы [4] продолжает: «поскольку такая система не в последнюю очередь имеет своей целью снижение нагрузки на суды за счет освобождения их от необходимости формулировать однотипные решения по, как правило, несложным делам, естественно, что судьи будут склонны подтверждать предложенные решения, не внося в них никакие коррективы - даже, если для этого будут иметься все основания. Далее эти решения будут попадать в пул судебной практики, используемой для обучения ИИ, и служить основой для принятия новых «автоматизированных» судебных актов. Так, судебная практика замыкается сама в себе, бесконечно самовоспроизводясь, а роль суда вместо творческого правоприменения сводится к простому подтверждению ранее существовавшей судебной практики» [4].

Для страховки от опасности «сведения» правосудия к стандартным схемам, автор статьи [4] считает нужным предусмотреть, чтобы решения, предлагаемые FLAI, носили предварительный характер и не были обязательны для суда; чтобы суд мог от них отступить, не опасаясь последующей отмены принятого им судебного акта на одном лишь только этом основании. «В этом смысле в процессуальном законе должен быть закреплён вспомогательный характер данного инструмента; понимание того, что он предназначен для помощи суду и удобства сторон, но не снимает с первого ответственность за принятый судебный акт» [4].

Другим механизмом устранения недостатков правоприменения должны оставаться инстанционные пересмотры. В отношении судебных актов, принятых по делам, в которых применялись системы «дополненного» правосудия, должны сохраняться обычные (а может быть, и повышенные) возможности для их пересмотра вышестоящим судом, причём именно человеком, чтобы минимизировать риски «механистического» правосудия [4].

Творческий характер судебной деятельности проявляется не только и не столько в определении подлежащей нормы права и ее истолковании. Творческий

характер судебной деятельности, помимо установления нормы, подлежащей применению, и ее истолкования проявляется, например, в установлении обстоятельств дела, свободной и независимой оценке доказательств, на что FLAI пока в полной мере не способен [4].

Кроме того, творческий характер судебной деятельности, также проявляется и в наличии в праве оценочных понятий [13] и судейского усмотрения [14 - 19] - категорий, оперировать которыми FLAI на данный момент принципиально не способен. Поэтому, на взгляд автора статьи [4], применение FLAI не способно концептуально изменить творческий характер судебной деятельности. Автор настоящей статьи не придерживается столь категорично-оптимистичного вывода и полагает, что сохранение творческого характера судейской деятельности, равно как и гуманистического наполнения права, возможно только при определении рационального «ареала» распространения FLAI внутри судебной сферы.

В работе [9] по этому поводу говорится: «наличествующее у судьи (суда) право выбирать один из нескольких вариантов решения изначально вытекает исключительно из закона и осуществляется в рамках закона. Усмотрение - это своего рода инструмент для принятия решений, законных и обоснованных, без него судья становится всего лишь чиновником на службе государства, средством принятия решений, но никак не субъектом осуществления правосудия, деятельности, несомненно, имеющей творческий характер» [9].

Критичность обучающих данных. В работе [11] обращается внимание на другую проблему, связанную с FLAI: критичность того, какие исходные данные (в соответствии с [1] такие данные называются обучающими), базу, концепт решения тех или иных задач в FLAI вкладывает человек, а значит, закладывает и определенную идеологию, ценностные ориентиры и оценочные критерии.

«Это особенно актуально применительно к гуманитарной области, каковым является правосудие. Чтобы машина самообучилась и получила некие когнитивные функции, база должна быть заложена извне, человеком. Для цивилистического процесса, правосудия особую роль в таком «первичном знании» играет концепт процесса, его общая идеология, принципы, дефинитивные категории и их

понимание человеком. Поэтому ожидаемая от машинной системы объективность во многом иллюзорна, а опасность формализованного злоупотребления гораздо выше» [11].

Иными словами, машинная система подчинена той идеологии и тому алгоритму оценки, которые в него заложены людьми, - и в той парадигме, которая использована людьми при разработке соответствующей программы [20].

Именно поэтому, как говорит автор статьи [20], «есть определенный соблазн в определении объективных возможностей использования ИИ в правосудии, который кроется в некоторой схожести интеллектуальной методологии. Судебный процесс с психологической (в том числе когнитивной) позиции является искусственно созданной реальностью (артефактом), в которой отсутствуют заранее заданные и стабильные параметры (в виде тезисов, аргументов), но при этом требуется достичь истинных и верных решений (об искомых фактах, действительно существующем правоотношении, субъективном праве и/или обязанности)» [20].

Далее в работе [20] читаем: «Средства и способы, юридический инструментарий, которые надлежит использовать для достижения целей, сами творимы в процессе и процессом. Более того, будучи сотворенными, они не являются статичными и могут подвергнуться видоизменениям в ходе процесса (информация может стать неотносимой, факты - потерять юридическое значение), т.е. они вариативны, но не константны. Часть инструментария вариативна по определению - и может как использоваться, так не использоваться (в зависимости от волеизъявления и осознаваемого стороной/сторонами интереса)» [20].

Однако, по мнению автора настоящей статьи, сходство между FLAI и человеком носит весьма ограниченный характер: за внешним сходством FLAI и человека кроется кардинальное различие. FLAI – это компьютерное устройство, которое лишь имитирует сознание, тогда как человеческое Сознание в соответствии с современным пониманием мироустройства является центром Мироздания.

Наверное, можно согласиться с автором работы [20], что чисто с технической точки зрения, может быть создано устройство, напоминающее судью-человека и

потому называемое «электронный судья», ибо «машинная система сможет решать задачи по смыслу в той же когнитивной парадигме, что и человек» [20].

Но тогда уже в практическом плане возникнет вопрос для понимания сущности FLAI, который заключается в следующем: имеются ли объективные критерии оценки качества FLAI как интеллекта, т.е. определенной сферы психического, присущей человеку? [20].

Мы не знаем о человеческом сознании (и не можем оценивать подобного в FLAI) главного: является ли оно физическим феноменом, возможно ли неорганическое сознание, как связано сознание с нервной системой, как бессознательное влияет на сознание, мотивацию и в целом - на поведение человека [20].

Но обучая FLAI учиться без понимания механизма рождения и развития когнитивных функций (как функций психического), мы не сможем квалифицировать проявление их вовне (например, как правосознания), и тем более прогнозировать отдаленные последствия результатов машинной деятельности, закономерностей ее развития и самосовершенствования [20].

Здесь, как видит автор статьи [20], мы снова возвращаемся к двум взаимосвязанным и принципиальным для права и правосудия тезисам: «антропоцентричности права и сущности правосудия как справедливости».

Выводы. Автор работы [20] совершенно справедливо пишет, что право родилось как социальный регулятор человеческого сообщества: «весьма несовершенный и формализованный, но лучшего за прошедшие тысячелетия выработано не было. Правосудие - порождение потребности в справедливости, которая имеет вневременную ценность, несмотря на все исторические и современные трансформации. В силу своей сущности правосудие невозможно вне человеческого восприятия и оценки» [20].

В работе [20] отмечено, что FLAI (с учетом отсутствия у него морально – этических качеств) не может полноценно заменить судью-человека, но способен облегчить «рутинную» интеллектуальную работу: «помочь проанализировать большой массив документов по определенным и заданным критериям (письменных

доказательств, допустим); выделить и описать существенные для исследуемого объекта признаки; отобрать наиболее пригодные для производства экспертизы образцы; помочь в квалификации (выборе нормы права) в бесспорных обстоятельствах (где достаточен метод поиска - как в приказном производстве) и т.п. Это одно из очевидных прикладных направлений развития ИИ для целей правосудия (но не взамен его)» [20].

Следует полностью согласиться с мнением автора статьи [3], который делает следующий вывод: «в рамках реализации судебного правоприменения в России ИИ должен рассматриваться как вспомогательный инструмент отправления правосудия, который не заменяет «таинство вынесения решения» и не посягает на верховенство права в части индивидуального подхода к принятию решения и внутреннего усмотрения судьи в этом процессе».

Великий русский философ И.Ильин за много десятилетий до появления ИИ, словно предчувствуя возможные искушения человечества, сказал: «Только человеку как творцу духовной жизни доступно нормальное правосознание, только ему дано искать и находить правое право, ибо только ему открыта цель права и его живой источник» [22].

Список литературы

1. ГОСТ Р 71476 – 2024 Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта.
2. Кожевников В.В. Правоприменение. Антология научных статей.- М.: Проспект, 2021, 512 с.
3. Степанов О.А. Судебное правоприменение с учетом возможностей систем искусственного интеллекта // Современное право, 2025, № 4, стр. 225 – 239.
4. Незнамов А.В. Искусственный интеллект, единообразие судебной практики и творческий характер судебной деятельности // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.

5. Зазулин А.И. Перспективы и проблемы использования искусственного интеллекта при принятии судебных решений // Право и технологии: в поисках баланса: сборник статей / под ред. К.Л. Брановицкого. Екатеринбург, 2019.
6. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука, 2022, № 8, стр. 54 - 59.
7. Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов Ал.В., Незнамов А.В., Ярков В.В. Концепция развития цивилистического процесса РФ и гармонизации гражданского процесса ЕАЭС в части внедрения в деятельность органов гражданской юрисдикции цифровых технологий // Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К.Л. Брановицкого, В.В. Яркова. - М.: Статут, 2022.
8. Толковый словарь русского языка онлайн // <https://sinonim.org/t>.
9. Талапина Э.В. Искусственный интеллект в правосудии: небольшой обзор больших последствий // Российская юстиция, 2024, № 5.
10. Contini F. Artificial intelligence and the transformation of humans, law and technology interactions in judicial proceedings // Law, Technology and Humans, 2020, Volume 2, Issue 1, pp. 11 - 12.
11. Сахнова Т.В. Искусственный интеллект в е-правосудии: очевидное и вероятное // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.
12. Родикова В.А. Искусственный интеллект vs судебское усмотрение: доверять нельзя проверять. Перспективы и риски автоматизации судебной практики // Вестник арбитражной практики, 2023, № 3.
13. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: монография. - М.: Волтерс Клувер, 2008.
14. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. - М.: Норма, 2002.
15. Папкова О.А. Усмотрение суда. - М.: Статут, 2005.
16. Караваев И.В. Пределы судебного усмотрения и правовой критерий как основа юридического метода: теория и практика рассмотрения экономических

споров // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2020, № 5, стр. 97 - 131.

17. Пискунов Д.С. О соотношении понятий судебного усмотрения и аналогий закона и права // Вестник гражданского процесса, 2023, № 4, стр. 190 - 207.

18. Иванченко Е.А., Воротилина Т.В. Судейское усмотрение и его границы в условиях влияния информационных технологий на принятие судьей решения // Российский судья, 2024, № 11.

19. Родикова В.А. Перспективы и риски внедрения искусственного интеллекта в судебную практику // Российская юстиция, 2024, № 3, стр. 42 – 55.

20. Сахнова Т.В. Об искусственном интеллекте и его естественных пределах в цивилистическом процессе (посвящение профессору А.Т. Боннеру) // Вестник гражданского процесса, 2022, № 4, стр. 225 - 239.

21. Степанов О.А. О цифровизации судебной деятельности в Китайской Народной Республике / О.А. Степанов, Д.А. Басангов // Российская юстиция. 2024. № 7, стр. 50 - 56.

22. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: АСТ, 2024, 384 с.